

АРУЕУ

Александр
ПРОЗОРОВ

Приец:

Аркаимский
колдун

Молот Одина

Хозяйка
Валгаллы

Александр ПРОЗОРОВ

Ярец

Книга третья

Хозяйка Валгалды

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П79

Разработка серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на обложке *В. Петелина*

Прозоров, Александр Дмитриевич.

П79 Ариец. Книга третья. Хозяйка Валгаллы : [фантастический роман] / Александр Прозоров. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Ариец).

ISBN 978-5-699-94103-2

Молодая гадалка Валентина оказалась в числе пяти молодых людей, опознанных заклинанием Волоса как прямые потомки Сварога и унесенные кречетом из нашего времени в прошлое ради спасения славянского народа. Только здесь девушка узнала, что ее колдовские способности не так просты. А также то, что в прошлом ведьмы, разговаривающие с мертвыми, никому не нужны. Поэтому перед девушкой встал очень простой выбор. Либо — остаться любовницей при талантливом приятеле, либо — поставить на карту жизнь и судьбу, доказав, что именно она и есть самая великая из славянских Богинь...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Прозоров А. Д., 2017
ISBN 978-5-699-94103-2 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ПРОЛОГ

Тучи ненадолго разошлись, и упавший между ними свет полной луны выхватил скользящее сквозь воздух легкое марево. Причем случилось это в тот самый миг, когда движение прервалось и ночную тишину разорвала злая женская ругань:

— Вот ведь блядюги чертовы! И тут нагадили!

Услышав из мрака столь громкую человеческую речь, вздрогнул караульный, скуцавший на стене спящей крепости. Крепко сжал большими мозолистыми ладонями ратовище копья с острым кремниевым наконечником, передернул плечами, укрытыми вытертым плащом из волчьей шкуры, прищурился, пытается разглядеть хоть что-то за пределами стен. Однако тучи на небе вновь сошлись, скрывая луну, а света костра, горевшего на толстой глиняной площадке, хватало только-только, чтобы различить траву под стенами. И даже охапка хвороста, брошенного в пламя, особо сторожу не помогла. Света стало заметно больше — однако же различить, кто там бродит в ночи, откуда взялся и почему ругается, смертный все равно не смог.

Город, удобно раскинувшийся в просторном изгибе полноводной реки, ограждали прочные, высокие и широкие бревенчатые стены со многими

продыхами, в которых ало подмигивали отблески горящих внутри жарких очагов. Сонно похрапывающие в загонах лоси, длинные веревки с сохнувшей на ветру рыбой, запах сена и заквашенных шкур безошибочно выдавали в селении на берегу Эльстеры славянскую твердыню. В этом мире только славяне держали лосей в качестве домашнего скота, полагались на рыбалку больше, нежели на охоту или огороды, и жили в огромных бревенчатых домах, возле общего для целого рода очага.

А еще славяне имели привычку опахивать свои селения заговоренной бороздой, защищающей жилище от колдовства, болезней, сглазов и всякого прочего зла. Именно возле такой борозды и ругалась сейчас Валентина, каковую магическая защитная черта уже не в первый раз принимала за «всякое зло» и через себя не пропускала. Упруго отшвыривала назад раз за разом, словно поставленная вертикально.

Подобную черту во многих городах проводили боги-правители, в иных местах — главы родов, но чаще всего — местные ведьмы, причем подобным чародейством занимались исключительно в голом виде. Так что выражение «чертовы блюдаги» имело в устах богини смерти не общеругательный смысл, а вполне конкретно адресный.

Впрочем, сильно девушка не расстроилась. Она распрямилась, сладко потянулась, раскинув руки, встряхнулась, повела носом. Качнулась вперед, наложив ладони на невидимую стену, потом зловеще усмехнулась, укоризненно поцокала языком и двинулась вдоль преграды.

За минувшие два года Валентина изменилась до неузнаваемости. Ее стройные ноги плотно облегли длинные сапоги из тонкой и мягкой коричне-

вой замши. Такие здесь никто не носил — девушке было наплевать. Сапоги уходили под беличьи шортики, сшитые коротко стриженным мехом внутрь. Такие здесь никто не носил — Валентине было плевать. Выше на ней красовалась соболя жилетка, поверх которой надето платье из горностая, доходящее едва до середины бедер. Их тоже здесь никто не носил — но девушке и на это было плевать. Она являлась богиней смерти! И могла себе позволить пугающее простых людишек ожерелье из золотых черепов вокруг шеи и золотой шишак с песцовой оторочкой, наплечные карманы и широкий пояс с ножами из обсидиана, серебра и железа, могла позволить себе серьги в ноздре, черные обводы глаз и короткую мужскую прическу. Ныне ей дозволялось все! Ибо власть Валькирии недосыгаема и непостижима для простых смертных...

Полста шагов — и заговоренная борозда ушла в песок у реки.

Валентина вздохнула, присела на корточки, макнула ладони в воду, ополоснула лицо, затем запустила пальцы в карман на левом плече, достала амулетик в виде свернувшейся в спираль змеи, трижды опустила его в реку и тихо позвала:

— Приди ко мне, всемогущая Фригг! Явись, я призываю тебя!

Послышалось шипение, словно на влажный песок выкатился раскаленный уголек, глянцевая поверхность реки разорвалась, и из нее поднялась крепкая, ширококостная, полностью обнаженная женщина. Монументальные бедра, развернутые плечи, внушительная грудь и простецкое лицо с крупными чертами, более подходящее борцу-тяжеловесу, нежели даме с длинными светло-русыми волосами.

— Звала, Валькирия? — Женщина с силой провела ладонями по голове, и черные струйки звонко потекли с мокрых волос на землю.

— Смертные опять провели борозду... — пожала плечами Валентина.

Фригг опустила взгляд, склонила голову чуть набок. Присела на корточки и провела пальцем линию от прибрежной черты до окончания вывернутой сохой канавки. Вода всплеснулась и бодро устремилась в указанном направлении, наполняя борозду и перетекая по ней по перешейку к противоположной стороне речной петли.

— Вот и все... — слабо улыбнулась Валентина. Она отлично знала, что текущая вода смывает любую, даже самую сильную магию.

В искусстве чародейства богиня смерти, увы, не годилась Фригг даже в подметки. Как, впрочем, и никто в этом огромном мире. Если бы русалки захотели, то при своих талантах и знаниях они, наверное, уже давно правили бы всей вселенной. Но... Но самой страшной, могущественно непобедимой силой на свете является лень. Когда-то давным-давно, когда человеческих рас еще не было даже в задумках, могучие первородные народы, стремясь к совершенству и гармонии, бережно относясь к природе, сохраняя ее, — предпочли изменить себя, вместо того чтобы менять мир вокруг. Теперь все эти лешие, моховики, водяные, шишиги, русалки, травники и берегини не знали ни голода, ни холода, не нуждались ни в одежде, ни в жилье, ни в припасах, а бессмертие позволяло им с чистой совестью откладывать на потом любые планы и желания: на завтра, на послезавтра, на весну, на следующий год...

Веком раньше, веком позже — какая, собственно, разница перед лицом вечности?

Русалок от прочей первородной нежити отличала способность резко взбадриваться во имя любви: активно колдовать и даже ввязываться в обычную, человеческую жизнь: выходить замуж, вести хозяйство...

Правда, Валентина сильно сомневалась, что ту беспорядочную похоть, с которой речные женщины накидывались на оказавшихся у воды мужчин, позволительно называть любовью — но факт есть факт. Мужские ласки сводили русалок с ума. А дальше — как повезет. Либо хозяйки воды утаскивали мужика к себе на дно, баловаться до скончания веков — либо тот, утешив страдалиц, вовремя уносил ноги куда подальше. Однако порою мужчина, коли силы и воли хватало, не уходил к русалкам на дно, а забирал одну из первородных себе в жены.

У великого Одина силы и воли имелось в достатке, и потому Фригг стала его верной и послушной супругой. Прощающей измены, исполняющей любые прихоти, дарующей ласки и сторожащей от опасностей, видящей будущее и повелевающей водами.

Одним словом — русалка...

Валентина решила, что ждала уже достаточно, провела ладонями вдоль пояса и сделала шаг вперед через весело журчащий ручеек.

Она оказалась права — стена уже исчезла.

Богиня смерти зашагала по хрусткому жнивью, мысленно вытягивая вперед, на многие десятки шагов, свои руки, хватая ими искорки прячущихся за стенами живых душ, пытаясь поднять их вверх, отрывая от плоти. И тотчас ощутила резкую боль в ладонях.

Это отозвались амулеты... Чертовы амулеты, которые в здешнем суеверном мире носили все кому не лень! Которыми защищали дома и оружие, которые

вешали на скот и двери. Обереги и талисманы, отбивающие порчу и заклинания подобно тому, как меховые одежды отбивают ледяной ветер и снежную крупку, защищают от непогоды и хлестких веток. Магические руны, наговоренные кости и травы, ладанки и поклады убивали враждебное колдовство, развеивали мороки, не позволяли дурному слову и взгляду причинить вред своим владельцам.

В этом мире хоть богам, хоть ведьмам приходилось изрядно помучиться, дабы подчинить смертного своей воле — но способы имелись. Самый несложный — это просто наводить и наводить порчу раз за разом, пока амулет намеченной жертвы выдохнется и потеряет силу. Способ долгий и утомительный. Однако Валентина была богиней! И даже все амулеты города не могли бесконечно противостоять ее порче. А кроме того — Валькирии помогала первородная Фригг.

Валентина подошла к стенам так близко, что сопротивление амулетов внутри селения стало причинять ей почти физическую боль, остановилась, откинув голову и негромко приговаривая:

— Ну давай-давай, еще чуть-чуть, еще немножечко...

Справа от нее встала Фригг, в точности повторив позу богини смерти, и тоже забормотала заклинания, высасывающие силу защитных оберегов.

Совсем близкое бормотание заставило ночного стражника снова забеспокоиться. Он проверил рукой, на месте ли палица, что висела в петле на поясе, потом вскинул копьё, опустил острием вперед, прошел по стене от края и до края, вернулся к костру, решительно швырнул в очаг еще охапку хвороста пополам с камышовыми кисточками. Пламя зарычало, жадно охватывая столь сытную пищу, быстро выросло

в рост человека, заливая все вокруг желто-красным светом — и воин внезапно увидел неподалеку от стены двух женщин, молящихся с раскинутыми в стороны руками. Стройную девушку в золотой короне, в коротком меховом платье и высоких сапогах, и могучую женщину, стоящую вовсе без одежды.

Ревело пламя, плясали на поле кровавые отблески, напоздали на город неведомые заклинания двух ведьм — а караульный мялся, совершенно не представляя, как поступить в столь странных обстоятельствах? Бить в набат, поднимать тревогу, будить город? Но ведь явной опасности селению нет! Свистеть, звать великого Талоса? Но не прогневается ли могучий бог, что его разбудили без особой надобности? Сбежать к старосте? Однако оставлять свой пост тоже вроде бы нельзя...

— Эй, вы кто?! — подойдя к краю стены, крикнул вниз воин. — Что тут делаете?!

Ведьмы не обратили на вопрос никакого внимания.

Стражник взвесил в руке копье, прищурился, замахнулся... Но бросить не решился, закричал снова:

— Кто вы такие, порождения мрака, и что делаете возле города великой Геры, посреди ее священной дубравы?! Отвечайте, коли не хотите смерти! Отвечайте, или вас покарает великий непобедимый Талос!

Ночные гости вдруг замолчали и опустили руки. Подняли головы, одновременно ему улыбнулись и... исчезли, словно и не было их!

— Чур меня... — попятился воин и торопливо нащупал на груди ладанку с заговоренными зубами трех жертвенных буйволов. — Чур!

Он перевел дух, еще раз выглянул наружу и с надеждой пробормотал:

— Нешто померещилось?

То, что проблема рассосалась сама собой, быстро и просто, война искренне обрадовало. И потому, когда на рассвете пришла смена, караульный даже не упомянул о странном ночном видении. Стражник не догадывался, что ведьмы отнюдь никуда не пропали. Что они стояли здесь, рядом, хищно оценивая будущую добычу. Просто у смертного выдохся оберег — и больше не мог защищать его от наведенного русалкой морока.

Солнце едва поднялось над кронами далекого леса — ворота города уже распахнулись, и трудолюбивые жители устремились наружу. Мужчины с топорами на плечах выводили нагруженных пустыми волокушами лосей, явно направляясь за каким-то грузом, веселые пастушки побежали к дальним выпасам, чтобы сменить товарищей возле обильных стад и отар; отправились к лесу пахнущие цветочным медом бортники, зашагали в сторону грядок женщины.

Невидимая для них Валентина посторонилась, выпуская смертных на работы, затем осторожно скользнула в ворота, с интересом осматриваясь.

Все славянские селения выглядели примерно одинаково: это были большие бревенчатые дома, разделенные внутренними стенами на отдельные секции. В маленьких деревнях с десятью-двадцатью жителями такие дома имели размер шагов этак тридцать на десять, и в них, вокруг жаркого общего очага, ночевала одна или две семьи. В селениях на полсотни человек очагов было уже два, и дома рубились столь длинными, что ими можно было отрезать для хозяйственных нужд целый мыс, выдающийся в озеро или образованный слиянием рек. Больше жителей — длиннее дома. Город с населением в сотни жителей мог ого-

родиться домами-стенами уже со всех сторон, а число обитаемых секций в нем доходило до десятка. Когда счет жителям шел уже на тысячи — дома-стены выстраивались кольцами, одно внутри другого, а хозяин твердыни зачастую жил отдельно от смертных, в своем собственном доме в самом центре города.

В центре сего городка стоял огромный, в рост человека, обелиск из белого мрамора. Судя по острым, еще не истершимся и не обветренным граням — камень совсем недавно откололся от массива и был доставлен сюда специально, с немалыми усилиями.

— Святилище... — догадалась Валентина, вспомнив про обычаи здешних славян поклоняться божественным камням. — Город-храм одного бога. Интересно, какого?

Она делано зевнула и двинулась вдоль стен, заглядывая в двери — тяжелые тесовые у кладовых и амбаров и легкие жердяные, но обтянутые шкурами в жилых комнатах.

Местные славяне устроились достаточно комфортно: полы в их домах покрывал толстый слой лапника и травы, поверх которых были настелены в два-три слоя звериные шкуры. Кабаньи, оленьи, лосиные с жесткой шерстью — вниз; волчьи, медвежьи, овечьи — сверху, мехом наружу.

Валентина представила себе, как в теплом свете костра утопает обнаженным телом в мягкой овчине, невольно поежилась — и заскользила дальше, сторонясь озабоченных баб, таскающих корзины со свежей, еще шевелящей жабрами рыбой, и молодых девочек, плетущих нити из длинных крапивных жил. В нескольких местах под стенами мальчишки молотили палками солому с непонятными для богини смерти целями.

— Талос, Талос! — В ворота вбежали молодые рыбаки, лохматые и заляпанные чешуей. — Великий Талос, мы видели секача на Кривой отмели!

Почти сразу распахнулась дверь за обелиском, на двор вышел красавчик-бог: могучий, рыжеволосый, в доспехе из начищенных до золотого блеска бронзовых пластин, с бронзовыми наручами и поножами, с короткими сулицами в обеих руках. Единственной странностью в нем оказался цвет кожи. Хозяин селения уродился красным. То есть цветом лица и рук он мало отличался от доспехов на своем теле. Создавалось впечатление, что он весь, целиком, был изготовлен из единого медного слитка.

— Секач! Где секач?! — громогласно спросил он.

— Лодка ждет, великий, — склонили головы запыхавшиеся рыбаки.

— Ведите!

Мужчины быстрым шагом покинули город, а невидимая смертным богиня смерти, обогнув священный камень, осторожно потянула на себя створку двери, дабы резкое движение не привлекло постороннего внимания, и скользнула в появившуюся щель.

Разумеется, обитель бога выглядела куда богаче, нежели жилища смертных. Пол здесь был не земляной, а из полутеса. Стены закрывала кошма, поверх которой сверкали развешанные тут и там топорики, копья, палицы, щиты и прочие мужские игрушки. Разумеется, в нескольких местах болтались и амулеты, дарящие хозяину иллюзию защищенности. В одном из углов возвышалось застеленное овчиной ложе, возле которого на округлом глиняном возвышении лежала груда углей, наглядно обозначая очаг. Волоконных окон Валентина не заметила. Возможно, их закрывала кошма. За очагом возвышался вы-

сокий черный овал — огромное обсидиановое зеркало.

— Вот и ты, — злорадно оскалилась богиня смерти. — Попалось!

Гостья, тихо напевая, прошла пару раз вокруг очага, потрогала ложе ладонью и, убедившись, что оно мягкое, рухнула на овчину, раскинув руки. Закрыла глаза, сладко потянулась:

— Умеют же некоторые устроиться...

Валентина сладко зевнула, прикрыла глаза, плавно утопая в полудреме, однако шум во дворе заставил ее вздрогнуть, поднять веки.

— Какой огромный! Какие клыки! — сливались в единый подобострастный гул восхищенные голоса снаружи.

— Похоже, медный мальчик все же грохнул несчастного поросенка, — поморщилась богиня смерти. — Город предвкушает сытный ужин с пивом и песнями. Где же там Вик до сих пор шляется? Я начинаю скучать.

И в тот же миг над городом наконец-то раскатился тревожный гул набата. Это караульный на стене заметил на севере пять парусов — пять ладей, бодро плывущих по широкой реке против течения, уверенно огибая отмели и мысы.

Жители города на Эльстере никогда не знали настоящих войн. Однако до них много раз доходили слухи о ссорах между богами, порою превращавшихся во взаимные набеги, они помнили о нищих и вечно голодных лесовиках, всегда готовых угнать у речных обитателей их стада, не жалея при этом жизни пастухов, а при случае — увести с собой и славянских девушек. Улыбчивые и бесконечно дружелюбные на словах варяги азартно ловили